

ОДИНЪ ИЗЪ ВЕЛИКИХЪ.

(Памяти † архіепископа японскаго Николая⁴⁾).

Тяжелыя потери несетъ наша Церковь за послѣдніе годы: умираютъ и преселяются въ вѣчность одинъ за другимъ ея великіе свѣтильники, ея вѣрные свидѣтели.

Подумать только, что за какия-нибудь послѣднія пять лѣтъ мы лишились великаго старца и народнаго духовника, извѣстнаго отца Варнавы, великаго молитвенника и пастыря всероссійскаго отца Іоанна Кронштадтскаго, и вотъ теперь до слуха нашего дошла печальная вѣсть о смерти великаго миссіонера, проповѣдника, апостола Японіи, «преудобреннаго во архіереяхъ», архіепископа Николая.

Тяжелая, трудно замѣнимая утрата!

Не для того говоримъ объ этомъ, чтобы дѣлать сравнительную оцѣнку указаннымъ почившимъ носителямъ вѣры, свидѣтелямъ неумирающей благодати въ русской Церкви, не для того, чтобы спорить и указывать, кто изъ нихъ выше, кто намъ дороже: они все велики каждый въ своей области, на

своемъ мѣстѣ. Но послѣдняя потеря—самая недавняя; поэтому, конечно, острѣе переживается и скорбь, постигшая сердца всехъ искреннихъ сыновъ святой Церкви.

Не хочется вѣрить, что умеръ архіепископъ Николай!

Всего три года назадъ, но кажется, какъ будто бы вчера я видѣлъ его въ Японіи, не по возрасту молодымъ, жизнерадостнымъ, бодрымъ въ трудѣ и энергіи не по лѣтамъ. Правда, онъ спѣшилъ тогда приготовить себѣ преемника; онъ спѣшилъ съ послѣдними переводами богослужебныхъ книгъ на японскій языкъ и съ изданіемъ ихъ; онъ откровенно пояснял и причины своей поспѣшности: «скоро, можетъ быть, умру», говорилъ онъ. Онъ просилъ себѣ тогда у Бога еще хоть три года жизни, чтобы окончить переводы, которыхъ безъ него некому совершить, но и о переводѣ священныхъ книгъ Ветхаго Завета онъ уже не мечталъ и съ грустью говорилъ: «это придется сдѣлать моему преемнику». Казалось, однако, что въ этихъ словахъ и заявленіяхъ звучало естествен-

⁴⁾ Сказано предъ панихидой, совершенной отъ совѣта миссіонер. общества 5 февраля 1912 г., въ гор. Москвѣ, въ церкви епарх. дома.

Архиепископ Мухоморов.

ное для 75-лѣтняго старца ожиданіе кончины, но ничто на самомъ дѣлѣ не говорило о столь скоромъ исходѣ его въ вѣчность: работалъ онъ съ удивительною выносливостію и съ рѣдкою въ наше время настойчивостію въ упорядоченіи своего дѣла; вставалъ въ 3 час. утра, сидѣлъ до поздняго вечера, давая себѣ отдыхъ только для необходимаго вкушенія пищи. Здоровье его казалось несокрушимымъ; духъ его былъ покоенъ тогда, а послѣдующіе годы не причинили ему печали и огорченій, напротивъ, исполнены были радости успѣха и видимаго благоволенія Божія на его дѣлѣ: онъ благополучно вышелъ изъ страшнаго испытанія русско-японской войны; онъ строилъ храмы, онъ получалъ необходимые средства на изданіе богослужебныхъ книгъ, онъ получалъ жертвы на восстановление дорогаго ему храма въ Хакодатѣ, матери церквей японскихъ,—тамъ, гдѣ нѣкогда онъ основался впервые для своей апостольской проповѣди; онъ получилъ вновь отъ миссіонерскаго нашего общества ежегодный дополнительный отпускъ на содержаніе миссіи и ея учебныхъ заведеній, прекращенный уже нѣсколько лѣтъ по недостатку средствъ общества; наконецъ, онъ дожилъ до пятидесятилѣтія своего священнослуженія и видѣлъ, съ какою любовію и Россія и Японія,—послѣдняя даже въ лицѣ язычниковъ и языческаго правительства, отнеслись къ подвигу его жизни, съ какимъ уваженіемъ отнеслись и къ его личности.

Прошли тѣ три года, что онъ просилъ себѣ у Бога на послѣдній подвигъ, исполнилъ онъ всѣ свои уреченные труды, и вотъ, какъ зрѣлый колосъ пшеницы, онъ палъ, подкошенный косою смерти, созрѣвши для житницы Господней!..

Онъ былъ свѣтильникъ горяй и свѣтлый, мы веселились въ свѣтеніи его, но кто горитъ и свѣтитъ, тотъ и самъ сгораетъ: и вотъ, догорѣла эта священная лампада!

Не одна японская юная Церковь оплакиваетъ архіепископа Николая: о ней велич-

не теперь говорить,—и какъ тяжела для нея утрата! Но Церковь Христова живетъ закономъ, который указанъ святымъ апостоломъ Павломъ: «страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ и всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены; и вы—тѣло Христово, а порознь—члены (1 Кор. XII, 26—27). Поэтому-то скорбитъ теперь глубокою скорбію и русская Церковь и вся Церковь православная.

Трудно теперь, въ первые дни послѣ кончины архіепископа Николая, выразить и показать, какъ велика для Церкви понесенная ею потеря. Для этого нужно перенестись всецѣло въ ту обстановку, среди которой почившій жилъ и которую онъ въ полномъ смыслѣ создалъ, въ то дѣло, которому онъ служилъ и которое, тоже въ полномъ смыслѣ слова, онъ самъ создалъ.

Воистину, онъ пошелъ *одинъ*, и какъ бы одинъ за всѣхъ насъ исполнилъ заповѣдь Христа Господа, данную Его Церкви, всему вѣрующему міру: «шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа»...

Чувствуется, что изъ Церкви земной въ Церковь вѣчную, небесную, къ Судніи всѣхъ Богу и къ Ходатаю Завѣта новаго Іисусу ушелъ одинъ изъ праведниковъ совершенныхъ и преложили къ торжеству и Церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ (Евр. XII, 23; Апок. XIII, 8). И въ душѣ остановилось несказанно благоговѣйное чувство, какъ бы при видѣ смерти святого: точно совершилось какое-то неизъяснимое всецерковное священнодѣйствіе и таинство,—точно громоподобное молчаніе царитъ надъ Церковію,—молчаніе, краснорѣчивѣйшее всякихъ словъ. Ибо умеръ, ибо почилъ отъ дѣлъ своихъ святой мужъ! Такъ должны были чувствовать древніе кіевляне, когда умеръ святой князь Владиміръ, какъ это повѣдало намъ краснорѣчивое слово блаженнаго Иллариона, митрополита Кіевского; или—древніе зыряне при вѣсти о смер-

ги св. Стефана Пермскаго, о чемъ повѣдалъ намъ знаменитый «плачъ земли Пермской»... Въ городѣ Киото, старой столицѣ Японіи, въ женской школѣ ученицы при мнѣ держали испытанія. Я спрашивалъ ихъ о житіи и дѣяніи святыхъ Апостоловъ. «А кто апостолъ Японіи»? спрашивалъ я дѣвочку. «Никорай», своеобразнымъ японскимъ выговоромъ быстро отвѣтила дѣвочка.

Да, умеръ человекъ, который на исходѣ второго тысячелѣтія христіанства показалъ, что живутъ и нынѣ апостолы и возможны апостольскія дѣянія.—Ахъ, ушелъ онъ, и какое почувствовалось лишеніе, какое горькое сознаніе, что умеръ апостоль-пастырь, красота Церкви, ея цвѣтъ, ея оправданіе, ея слава,—и, что еще болѣе говорить сердцу,—слава родной нашей Русской Церкви!

Чувствуется далѣе, что отъ земли отошелъ, если говорить по-мірскому, отошелъ великій человекъ. Не часто даритъ насъ исторія великими людьми. Но счастливы вѣка и поколѣнія, которые знаютъ людей великихъ! Они сіяютъ, какъ звѣзды на темномъ небосклонѣ; они не могутъ не свѣтить; нельзя ихъ не видѣть, нельзя не поддаваться ихъ обаянію. Таковъ былъ и почившій архіепископъ Николай. Языческая Японія,—нѣкогда преслѣдовавшая его за проповѣдь Христа, подозрительно настроенная относительно всякаго иностранца,—несмотря на русское происхожденіе архіепископа Николая, относилась къ нему съ чувствомъ, граничащимъ съ благоговѣніемъ. Его праведность, его ревность о вѣрѣ, его прямота въ словахъ и дѣйствіяхъ, его необычайно высокая, рѣдкая образованность даже въ области японской исторіи и литературы,—все это сдѣлало его человекомъ, высоко стоящимъ среди всего японскаго народа. Ему не только прощали его пламенный русскій патриотизмъ: его за этотъ патриотизмъ еще болѣе уважали. Не было человека въ Японіи, послѣ императора, который пользовался бы въ странѣ такимъ уваженіемъ, такой извѣстностью, такую популярностью. Въ столицѣ Японіи не нужно

было спрашивать, гдѣ русская православная миссія: довольно было сказать одно слово «Николай», и буквально каждый «рикша»¹⁾ сразу зналъ, куда нужно было доставить гостя миссіи. И православный храмъ назывался «Николай», и мѣсто миссіи тоже «Николай», даже само православіе называлось именемъ «Николай», и, путешествуя по странѣ въ одеждѣ русскаго священника, мы всегда и всюду встрѣчали ласковые взоры, и въ словахъ привѣта и разговора по поводу насъ мы улавливали слухомъ среди непонятныхъ словъ и выраженій незнакомаго языка одно знакомое и дорогое: «Николай»...

Высоко стоитъ его имя и въ Россіи, несмотря на то, что дѣятельность его протекла вдали отъ горячо любимой имъ Родины. Наша Москва довольно щедрила его каедрю жертвами.—и построеніе храма въ Токио въ значительной степени есть дѣло первопрестольной нашей столицы. Когда же въ храмѣ Токійскомъ разсматриваешь ризницу и утварь, то здѣсь все напоминаетъ Москву. Тридцать лѣтъ назадъ былъ онъ здѣсь, и съ тѣхъ поръ память о немъ не умираетъ. И въ прошломъ году, когда мы захотѣли, въ ознаменованіе полулѣтняго юбилея служенія его, расписать храмъ въ Токио священными изображеніями, мы сразу нашли здѣсь въ Москвѣ нужныя средства.

Онъ любилъ Россію всею горячностью сердца. Но онъ отдалъ себя Христу и Церкви и, по Евангельскому призыву, оставилъ домъ, родныхъ и ближнихъ. Знаемъ, что не уста человѣческія, а вѣлжныя уста Христовы изрекли намъ, что симъ путемъ пошедшіе сядутъ на престолахъ, не останутся безъ награды (Матѣ. XIX, 28). Онъ не захотѣлъ и передъ смертью вернуться въ Россію, хотя могъ бы это сдѣлать всегда. Духъ Божій велъ его въ жизни, и сказалося Его, Духа Божія, вѣлбіе—сохранить для японской Церкви могилу ве-

¹⁾ Это особые перевозчики людей на небольшихъ коляскахъ.

лигаго апостола: могила его теперь останется въ Японіи святынею народною, святынею общецерковною, знаменемъ и средоточіемъ православно-христіанской жизни,—и кто знаетъ,—не совершится ли около нея скоро объединеніе въ Христовой вѣрѣ всего японскаго народа?! И сбудется слово, сказанное о вѣрѣ святой: «ею онъ и по смерти живъ и говорить еще» (Евр. XI, 4)...

Судя по-человѣчески, становится жаль, что Россія отдала Японіи самое рѣдкое, самое великое сокровище, какое только есть у всякаго народа: отдала святого, великаго человѣка!

Но мы здѣсь, совершая заупокойное моленіе отъ лица *миссіонерскаго* общества, знаемъ, что око наше не должно быть завистливымъ, тѣмъ паче къ духовнымъ дарованіямъ, что въ Церкви Христовой нѣтъ эллинъ и іудей.

Но не то же ли самое нужно сказать и съ глубокой, истинно-патріотической точки зрѣнія? Исторія, отмѣтивъ великое міровое призваніе и служеніе нашего русскаго народа,—въ будущемъ, въ числѣ общечеловѣческихъ заслугъ Россіи, укажетъ и на эту ея величайшую жертву,—на архіепископа Николая, отданнаго и отдавагося Японіи.

Не забыть во вѣки тѣхъ глубокихъ думъ и чувствъ, которыя пережилъ я, какъ служитель Церкви, будучи въ Японіи гостемъ почившаго нынѣ апостола. Смотря на него, на его работу, на то, что онъ дѣлалъ и сдѣлалъ въ Японіи, оживаешь вѣрою, оживаешь духомъ. Раздвигаются грани,—тѣ узкія грани, въ которыхъ привыкъ жить и трудиться,—и выступаетъ святое дѣло Христово, святая Его Церковь, во всемъ всемірномъ, вышесмірномъ и вѣчномъ значеніи и величіи. Становится не теоретически только доступнымъ, но воочію, на самомъ дѣлѣ яснымъ универсализмъ христіанства, соборность Церкви; растеть вѣра въ добро, вѣра въ нестарѣющія силы Церкви и въ неизмѣнность ея благодатныхъ дарованій; растеть

бодрая, радостная увѣренность за будущее Христова дѣла. И думалось: вотъ оно, это дѣло Христово, здѣсь въ Японіи дало столь пышныя всходы, вотъ оно еще разъ на глазахъ міра показало свою жизненность! А когда смотришь на этихъ православныхъ японцевъ, чинно, благоговѣнно стоящихъ въ храмѣ, на этихъ матерей, подносящихъ дѣтей къ святой Чашѣ, когда видишь старца-архіепископа, склонившагося для преподанія имъ Святыхъ Даровъ, то ясно видишь и то, какова сила православія, какова его примѣняемость ко всякому мѣсту и времени, какова его духовная красота, плѣняющая души!

И нѣтъ его теперь... Нѣтъ архіепископа Николая! Онъ ушелъ, тотъ человѣкъ, который въ нашъ вѣкъ сдѣлалъ такое чудесное апостольское дѣло. Ушелъ этотъ человѣкъ, который бодрилъ насъ въ эти послѣдніе безрадостные дни и годы, который—посреди растлѣнія міра, посреди враждебныхъ нападеній на Церковь, посреди нашихъ неумолкаемыхъ стенаній и воздыханій по поводу неурядиць, скорбей и страданій Церкви и Родины,—будилъ въ насъ вѣру, будилъ бодрость духа, будилъ увѣренность въ томъ, что не все мы течемъ и не все трудимся въ мірѣ!

Пошлетъ ли Господь, и когда и кого пошлетъ на замѣну отшедшихъ,—не въ нашей власти знать и предвидѣть. Не къ унынію, не къ отчаянію мы зовемъ. Знаемъ одно, что около высокихъ горъ располагаются другія горы, можетъ быть, меньшія, но—все же горы: и если были такіе столпы отечественной Церкви, какъ о. Варнава, о. Іоаннъ и архіепископъ Николай, то есть еще, значить, плодородная почва народнаго нашего духа, на которой они выросли и воспитались, есть, значить, и люди, родные имъ по духу, настроенію и дѣятельности. Господь изведетъ работниковъ на жатву Свою, если мы окончательно не лишились за грѣхи свои Его милостей.

Но почившимъ да будетъ вѣчная наша благодарная память!

Да упокоитъ Господь преставльшагося славнаго архіепископа, апостольски потрудившагося въ дальней Японіи для проповѣди Его Евангелія!

Съюще въ духъ отъ духа пожнутъ въ жизнь вѣчную (Гал. VI, 8). Велика и обильна была его духовная жатва на землѣ. Изне-

могъ жнецъ и палъ на бороздѣ! Благословенъ его покой, и радостно да будетъ его вхожденіе въ житницу Господню! Въ сонмъ святыхъ Апостоловъ и святыхъ пастырей упокой, Христе Боже, Пастыреначальниче нашъ, его праведную душу! Аминь.

Протоіерей Г. Восторговъ.

